

УДК 81.913

DOI: 10.15393/j14.art.2016.81

Статья

Брусницына Дарья Владимировна

Петрозаводский государственный университет,
Институт истории, политических и социальных наук,
Исследовательская лаборатория локальной и микроистории Карелии,
старший научный сотрудник Управления научных исследований (ГБТ 653-14),
кандидат исторических наук

Традиционный крестьянский социум в Карелии середины XVII века: новые явления в период службы пашенных солдат¹

Аннотация. В статье подытожены результаты, полученные в ходе выполнения коллективного научно-исследовательского проекта «Традиционное общество как фактор стабильности в полигэтническом приграничном регионе: Карелия в XVII — начале XX века» в части, касающейся службы местных крестьян в полках пашенных солдат (1649—1666). Автор показывает как крестьянское сообщество Заонежских и Лопских погостов реагировало на новые обстоятельства, условия и явления, возникшие в традиционном укладе жизни местного населения в период военной службы. Особое внимание обращено на такую местную особенность как сильное самоуправление, позволявшее самостоятельно решать многие вопросы повседневной жизни, всегда отстаивавшее интересы крестьянских миров перед лицом государства, что нередко приводило к конфронтации с представителями центральной и уездной власти.

Ключевые слова: Карелия; Олонецкий уезд; XVII в.; пашенные солдаты; чернососные крестьяне; традиционное общество.

Введение

На протяжении большей части своей истории Карелия являлась приграничным регионом Российского государства. В одной из недавних статей О. Е. Ермоляева, проанализировав и обобщив опыт (в том числе новейший) зарубежных историков в области изучения разных приграничных территорий, показала актуальность подобных исследований². В рецензии на книгу современного американского ученого А. Рибера О. Е. Ермоляева привела такие авторские характеристики приграничных территорий: «...очаг нестабильности», «повышенная политическая и миграционная активность населения», «частые этносоциальные конфлик-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности, № 33.1162.2014/К.

² Автор имела возможность ознакомиться с рукописью статьи (Ермоляева О. Е. Исследование приграничного социума мультиэтнической империи в исторической динамике: Карелия в XVII — начале XX века (в печати)) в рамках методологических семинаров коллективного проекта «Традиционное общество как фактор стабильности в полигэтническом приграничном регионе: Карелия в XVII — начале XX века».

ты», «специфический тип пограничной культуры», «высокий уровень перекрёстного культурного взаимодействия», «сомнительная политическая лояльность» [21: 193]. А. Рибер подчеркивает сложность управления этими землями, а также проблему соперничества между державами за контроль над смежными окраинными территориями [21: 193].

Заонежские и Лопские погосты, входившие сначала в состав Новгородского уезда, а с 1649 г. — Олонецкого, являлись именно таким приграничным регионом, протянувшимся вдоль границы России со Швецией. Эта территория отличалась редким, но при этом полигэтническим населением (в основном это были черносошные крестьяне: карелы, вепсы, русские) и располагалась далеко не только от Москвы, но и от Новгорода, откуда попеременно осуществлялось управление этой территорией. Вероятно, именно благодаря своей удалённости от политических центров, у местного населения сформировались традиции сильного самоуправления и нежелание подчиняться представителям власти, неважно откуда они были присланы — из Новгорода или Москвы. Кроме того, право черносошных крестьян обращаться с че-лобитными на имя царя использовалось ими, когда им не нравилось что-либо в действиях управленцев, присылавшихся в погосты. При этом государству постоянно было необходимо решать вопросы охраны границы от вторжений извне, контролировать законность переходов через границу, пресекать контрабандную торговлю. Этим было обусловлено повышенное внимание правительства к приграничным Заонежским и Лопским погостам.

Центральная власть старалась не настраивать местное полигэтническое население против своей политики и учитывать его пожелания, высказывавшиеся в че-лобитных. В документах, адресовавшихся должностным лицам, управлявшим погостами, часто рекомендовалось действовать так, чтобы местное население «не ожесточить» или «не разогнать» [3: 24], [4: 636]. Однако когда в 40-е гг. XVII в. в России в масштабах всей страны началось проведение военной реформы, а Заонежским и Лопским погостам, как и некоторым другим приграничным областям России, была отведена в этой реформе особая роль, правительство, последовательно проводя задуманные преобразования в жизнь, проявило решительность и твёрдость в управлении населением удалённого приграничья.

В рамках реформы дополнительно к издавна существовавшим частям русского войска (поместной коннице, стрельцам, казакам), а также набиравшимся по необходимости даточным людям создавались полки нового строя (солдатские, драгунские, рейтарские) по образцам западноевропейских армий. Первоначально такие полки комплектовались из людей не-тяглого сословия, однако в нескольких приграничных областях (Комарицкая волость Севского уезда, Заонежские и Лопские погосты Новгородского уезда, Сумерская и Старопольская волости Старорусского уезда) правительство решило организовать солдатские и драгунские полки, укомплектованные местными черносошными крестьянами. Таким образом, ожидалось создать эффективную оборону южной и северо-западной границ и при этом расходы нести только на жалованье иноземным офицерам, которые должны были обучить крестьян военному делу. Самим солдатам и драгунам жалованье платить не предполагалось, но их освободили от уплаты основных налогов.

Цель данной статьи показать, как реагировало крестьянское сообщество Заонежских и Лопских погostов на новые обстоятельства жизни, возникшие в середине XVII в. в связи с введением на этой территории службы пашенных солдат и других сопутствовавших этой реформе мероприятий.

Историография. Источники

Сюжет о службе карельских крестьян в пашенных солдатах затрагивался в работах как по истории Карелии или Русского Севера, так и по военной истории России¹. В основном исследователи подчёркивали тяжесть несения крестьянами службы и нежелание солдат воевать далеко за пределами родного края, констатировали разорение крестьянских хозяйств, убыль населения и запустение земель. При этом воздействие службы на традиционное крестьянское сообщество Олонецкого уезда подробно не изучалось. Повседневная жизнь пашенных солдат, их взаимоотношения с иноземными и русскими офицерами и другими должностными лицами, а также новые социальные явления и бытовые конфликты, возникавшие в конкретных ситуациях введения солдатской службы, «прибора» или освобождения от службы, длительного отсутствия мужчин дома, оформления поручительства по солдатам и договоров найма — все эти вопросы ранее были недостаточно изучены в историографии, но теперь детально исследованы нами в рамках проекта «Традиционное общество как фактор стабильности в полиэтничном приграничном регионе: Карелия в XVII — начале XX века».

Интерес историков к разным сторонам повседневной жизни крестьянских сообществ проявился еще в XIX в. На самоуправление северных крестьян обратил внимание М. М. Богословский. При этом учёный отметил, что крестьянские миры, будучи низшим звеном управленической иерархии, были обязаны самоуправляться в интересах государственного казначейства [15: 310]. Р. Б. Мюллер подчеркнула, что несмотря на стремление правительства «превратить мирские организации в чисто чиновничий аппарат власти», сами крестьяне широко использовали свое право организации и умели добиваться своих прав [23: 77]. В работе, посвящённой управлению и самоуправлению в Карелии в XVII в., А. Ю. Жуков в том числе исследовал отношение местных жителей к разным представителям власти, присылавшимся в погосты и выявил их недоверие к последним и нежелание идти с ними на какое-либо взаимодействие (например, во время сбора в 1648 г. сведений об «обидах» со стороны шведов) [22: 142]. Важность крестьянского самоуправления в решении разных вопросов местного значения на примере северорусских крестьян показала Е. Н. Швейковская, изучившая разноуровневые связи, в которые вступал индивид в микромире деревни и волостной общины, а также за его пределами [29], [30].

М. А. Островская впервые выявила факты вынужденного заключения пашенными солдатами договоров найма, однако не привела в своей работе сведений об условиях найма и оформлении поручительства [24: 84—85]. Оформление поруки в качестве коллективной ответственности за индивида на материалах Сибири недавно исследовали А. А. Люцидарская и Н. А. Березиков. В частности, авторы пришли к выводу, что поручительство препятствовало оттоку работоспособного населения и консолидировало общество [14].

И. А. Чернякова выявила по переписным книгам И. С. Дивова количество раненых и убитых солдат и сделала вывод о влиянии гибели многих мужчин на увеличение в Олонецком уезде числа семей бокового родства, состоявших из неженатых братьев [28: 120].

Взаимоотношения карельских пашенных солдат с иноземными офицерами изучал А. С. Рыжков [25]. Также исследователь реконструировал обстоятельство серьёзного конфликта, произошедшего между крестьянами Лопских погостов и поручиком Богданом Головиным, приехавшим к ним в 1657 г. для «высылки» солдат на службу [26]. Е. Д. Суслова рассмотрела взаимоотношения иноземных начальных людей с приходскими священниками [27].

¹ Подробный обзор историографии см.: [19: 3—9].

В рамках названного выше проекта нам удалось более детально изучить разные новые явления, возникшие в крестьянском сообществе Заонежских и Лопских погостов в годы солдатской службы. Источниками для исследования послужили в основном акты приказного делопроизводства, содержащиеся в фондах Научного архива Санкт-Петербургского Института истории РАН (НА СПБИИ РАН)¹ и Российского государственного архива древних актов (РГАДА).

Результаты

В 1649 г. в Заонежских и Лопских погостах были созданы два солдатских полка по 3000 человек в каждом, укомплектованные местными черносошными крестьянами. Для обучения крестьян военному делу в погосты прибыло 104 иноземных офицера. К концу же года в солдатские списки было внесено 10 000 имён крестьян, что значительно превысило первоначально запланированное число в 6000, на которых было прислано вооружение. Тем не менее курс на запись в солдаты всех годных к службе мужчин привёл к тому, что службой оказалось охвачено почти всё черносошное население погостов. В каждом дворе, где были мужчины, годные по возрасту и состоянию здоровья, в солдаты было записано от одного до четырех человек.

Регулярные учения части новонабранных солдат начались с лета 1649 г., однако изменения в жизни крестьян Заонежских погостов начались за два года до начала их обучения военному делу.

В 1647 г. в погосты прибыл направленный из Москвы дворянин В. Д. Золотарев, который, помимо выполнения других задач, сообщил крестьянам Заонежских погостов о том, что они могут получить освобождение от основных налогов, если согласятся записаться в солдаты. При этом согласие требовалось получить не от отдельных крестьян, а от всех «волостных людей». Ожидалось, что жители каждого из Заонежских погостов подадут общую челобитную на имя царя с просьбой о записи их в солдаты. Из документов ясно, что предложение,звученное Золотаревым (заменить уплату налогов несением солдатской службы), разделило крестьян на два лагеря: тех, кто был «за», и тех, кто был «против» [1: 295—297, 303—304].

«За» службу выступали бедные крестьяне, которым было очень трудно справиться с уплатой налогов; середняки, которым также могло показаться, что освобождение от налогов положительно отразится на их хозяйстве; богатые, влиятельные в местной среде крестьяне, которым в тот момент было выгодно выступить за введение службы, т. к. этим они показывали «радение» не только государю, но и своим потенциальным избирателям из среды местных жителей, за интересы которых они якобы выступали. «Против» службы высказались богатые крестьяне, которые опасались, что с введением солдатской службы их влияние на «волостных людей» снизится; возможно, «против» могли выступать крестьяне, которые просто не хотели обучаться военному делу, особенно под командованием иноземных офицеров, т. е. не желали таких существенных изменений в своей жизни.

Тем не менее, несмотря на имевшие место разногласия, итог переговоров Золотарева с жителями Заонежских погостов был положительным: крестьяне принесли ему челобитные на имя царя с просьбой о записи в солдаты в обмен на то, что «государь» велит их «обелить», но при этом просили на « дальние службы» их не посыпать [1: 301—307об., 309—314об.].

¹ Акты из фонда 98 «Олонецкая воеводская изба» были доступны автору статьи в Исследовательской лаборатории локальной и микроистории Карелии (ИЛЛМИК), действующей в Петрозаводском государственном университете под руководством канд. ист. наук, доцента И. А. Черняковой, где в рамках международного четырёхстороннего соглашения TERP (Teaching-Editing-Research Project) готовятся к опубликованию в сети интернет в виде полнотекстовой базы данных в сопровождении каталога заголовков дел.

Однако сейчас правительство было настроено решительно, и несмотря на небольшое количество дворов и людей в этих погостах оно потребовало от олонецкого воеводы пресечь непослушание, наказать виновных и записать все-таки всех годных к службе крестьян в солдаты. Посланный в погосты отряд стрельцов решил проблему, и крестьяне всех семи Лопских погостов были отданы в обучение начальным людям полка Александра Гамильтона [3: 164—165].

Справедливо отметить, что непослушание представителям власти было свойственно не только крестьянам дальних Лопских погостов. Осенью 1649 г. воевода Ф. Ф. Волконский жаловался в своей отписке: «...а огурство государь в Заонежских погостах в старостах и во крестьянях многое, о каких делах по твоему государеву указу к старостам пишем и посылаем, николи одново писма и посылки не слушают, для малова дела посылаем двожды и трожды» [3: 154—155]. Также осенью 1649 г. крестьяне Вытегорского погоста угрожали убийством В. Д. Золотареву, обвиняя его, что он добился их согласия на службу обманом. Из-за непослушания крестьян Золотареву пришлось посыпать за подводами в Белозерский уезд, и на этих наёмных подводах он ночью уехал из Вытегорского погоста, опасаясь, по его словам, за свою жизнь, и уже из Белоозера писал в Москву, сообщая о своих злоключениях и жалуясь, что по указу он должен ехать на Олонец, чтобы передать дела воеводе Волконскому, но не может этого сделать, т. к. крестьяне по пути могут его убить [3: 93—96]. Указом воеводе Волконскому было велено прислать к Золотареву на Белоозеро 20 человек стрельцов или солдат, чтобы они его проводили в Олонец, обеспечив ему безопасность, а после сдачи дел также проводили из Олонецкого уезда [3: 104—105].

Такую ненависть к себе местных жителей вызвал этот представитель власти, осуществлявший на протяжении двух лет подготовительные мероприятия для введения солдатской службы. Именно Золотарев начал розыск и возвращение беглых заонежских крестьян на прежние места жительства. Именно ему пришлось осуществлять непопулярный указ о безденежном изъятии участков возвращавшихся крестьян у новых владельцев и именно Золотарев был инициатором указа о запрещении купли-продажи и заклада земли в Заонежских погостах, изданном в 1648 г. Совершенно очевидно, что результатами своей деятельности Золотарев мог нажить себе много врагов.

Впоследствии на протяжении всего периода службы пашенные солдаты неоднократно оказывали непослушание по разным вопросам и бывало, что угрожали побить или убить представителей власти, которые приезжали к ним с указами, выполнять которые солдаты не желали. Также имели случаи подкупа с целью освобождения или отсрочки от службы, причём подкуп мог быть инициирован самими крестьянами, но в то же время деньги могли вымогаться и должностными лицами. В разбирательствах, проводившихся по жалобам крестьян, иногда сложно было выяснить, сами ли крестьяне дали деньги, чтобы откупиться от службы, или эти деньги у них были «вымучены» [5].

Когда правительство нарушило обещание и начало отправлять пашенных солдат на «далние службы» на театры боевых действий русско-польской и русско-шведской войн, был установлен порядок организации «высылки» солдат в полевую армию по «очередям». Так же от солдат требовалось оформление поручных записей, которые должны были служить гарантией предотвращения бегства [16]. Однако бегство пашенных солдат было массовым и многочисленным «сыщикам» и «высыльщикам», приезжавшим в Олонецкий уезд для розыска беглых, очень сложно было выполнить поставленную задачу, поскольку беглые прятались у родственников, в лесах и даже за границей, на территории Шведского королевства. Розыск беглых реализовывался на всех уровнях местной власти — от воевод до выборной

властной администрации. Тем не менее привлечение многочисленных должностных лиц («сыщиков», «начальных людей», «новокрещенов», стрельцов, пушкарей, посадских и «властных людей») не решало проблему, но порой вело к разным злоупотреблениям.

Некоторые крестьяне имели возможность заключать договоры найма с лицами, готовыми нести службу вместо них за определённую плату. Представители власти разрешали такую практику, но требовали и по наймитам оформлять поручные записи и строго отслеживали, чтобы нанимавшиеся в солдаты были годными к службе как по возрасту, так и по состоянию здоровья. Если наймит оказывался «по осмотру худ и мал», его отправляли домой, с требованием нанимателю явиться самому (либо нанять другого солдата) [17]. В ходе исследования выявлено, что поручителями часто становились близкие родственники солдата, а наймитами могли стать те же пашенные солдаты, чья очередь отправляться на войну ещё не наступила. Однако наймиты тоже могли сбежать со службы, и тогда их «хозяева» вынуждены были идти служить сами, а потом подавать иски на нерадивых наймитов с требованием взыскать с них уплаченные за найм деньги. Такие тяжбы могли длиться годами [6], [7], [8], [9], [10], [11], [12].

Длительное отсутствие пашенных солдат дома, а также их гибель на службе приводили к множеству имущественных конфликтов между соседями и родственниками. В особенно тяжёлом положении могли оказаться вдовы и их дети, если родственники со стороны погибшего мужа, предполагая свою безнаказанность, выгоняли их со двора. Вернувшиеся с войны тяжело раненые солдаты могли остаться увечными, потерять трудоспособность и, таким образом, становились дополнительной социальной нагрузкой на крестьянское сообщество в целом и свои семьи в частности [20].

Выводы

В ходе реализации военной реформы в Заонежских и Лопских погостах была изменена система управления этой территорией (погосты были объединены в единый Олонецкий уезд, управлявшийся назначавшимся из Москвы воеводой). С 1647 г. в погосты начали принудительно возвращать ушедших в прежние годы крестьян для увеличения численности населения. С целью удержания черносошных крестьян в погостах в 1648 г. был введён запрет на куплю-продажу и заклад ими своих земельных участков. Повседневная жизнь местного населения, ранее относительно свободная от административного контроля, с 1649 г. была подчинена строгой регламентации: крестьяне, в прежние годы свободно перемещавшиеся не только в пределах погостов, но и часто уходившие на заработки в другие уезды, оказались прикреплены к своим местам жительства, где были обязаны проходить обучение военному делу. Всё это кардинально изменило традиционно сложившуюся жизнь крестьян Заонежских и Лопских погостов и, конечно, вызвало их недовольство.

Для крестьян обучение военному делу было обременительно, оно изменяло весь привычный им традиционный образ жизни, отрывало от повседневных крестьянских занятий, подвергало строгому контролю их повседневную жизнь, добавляло им много новых обязанностей, вынуждало вступать в общение с иноземными военными, обучавшими их военному делу, приносило дополнительные расходы, создавало новые жизненные ситуации, часто конфликтного характера, вносило разлад во взаимоотношения между соседями и родственниками, как из-за службы, так и из-за земельных участков и другого имущества, а также из-за нарушений условий поруки или найма.

Привычное непослушание, которое демонстрировали крестьянские миры по отношению к представителям центральной или уездной власти, сохранялось на протяжении всего сро-

ка службы пашенных солдат. В итоге социальный протест в совокупности с изменившейся внешнеполитической ситуацией привел в 1666 г. к отмене солдатской службы в Олонецком уезде и возвращению пашенных солдат в прежнее крестьянское состояние.

Источники

Неопубликованные

1. Челобитные, кабацкие и другие всякие дела из разных Новгородской четверти городов (без начала и без конца) // РГАДА. Ф. 141. 1647. Д. 26. 517 л.
2. Дело о наборе из Заонежских погостов крестьян для салдатских драгунских полков Александра Гамента да Мартина Кармихела // РГАДА. Ф. 141. 1649. Д. 29. 368 л.
3. Дело о наборе из Заонежских погостов крестьян для салдатских драгунских полков Александра Гамента да Мартина Кармихела // РГАДА. Ф. 141. 1649. Д. 75. 333 л.
4. Дела по челобитьям разных служилых иноземцев, просяющих о государевом жалованье // РГАДА. Ф. 141. 1652. Д. 79. 732 л.
5. Книги по допросу и сыску дворянина Сергея Малово да подъячего Дружины Протопопова на Олонце и в Заонежских и в Лопских погостах по челобитью, и по сказкам, и по росписям на ком сколько посульных денег и за какой грабёж доправлено или доправить довелось, и для чего те деньги не доправлены (1658) // РГАДА. Ф. 210. Оп. 7а. Д. 53. Дела разных городов. По г. Олонцу: А. 759—807об.
6. Дело о разборе, розыске и высылке беглых солдат Олонецкого уезда на государеву службу (1658—1663) // Архив СПБИИ РАН. Ф. 98. К. 4. Д. 71. Сст. 1—35 с об.
7. Дело о розыске беглых солдат и драгун в разных погостах Олонецкого уезда и высылке на службу «нетчиков» и их родственников (1659/60) // Архив СПБИИ РАН. Ф. 98. К. 4. Д. 1. Сст. 1—98.
8. Дело о солдатских разборах, а также о розыске и высылке на службу беглых солдат различных погостов Олонецкого уезда (1659—1663) // Архив СПБИИ РАН. Ф. 98. К. 4. Д. 72. Сст. 1—104.
9. Поручные записи солдат, родственников беглых солдат и наймитов разных погостов Олонецкого уезда в том, что они, их родственники или наймиты пойдут на государеву службу в полк князя Ивана Андреевича Хованского (1660) // Архив СПБИИ РАН. Ф. 98. К. 3. Д. 76. Сст. 1—172.
10. Именная роспись беглых солдат и драгун разных погостов, их родственников и «наймитов», разысканных новокрещеном Харламом Мевкелевым и майором Матвеем Викентьевым и объявившихся на Олонце (1660) // Архив СПБИИ РАН. Ф. 98. К. 3. Д. 20 (е). Сст. 37—51.
11. Именная роспись беглых драгун и солдат, их соседей, родственников и наймитов, прибывших на Олонец «по высылкам» и отправленных на службу с новокрещеном Агафоном Илметевым ([1660]) // Архив СПБИИ РАН. Ф. 98. К. 3. Д. 20 (з). Сст. 53—58.
12. Дело о разборе солдат на две «очереди», выдаче им жалованья и отправке на Олонец, а также о розыске беглых солдат, взыскании с них жалованья и высылке на службу (1661—1663) // Архив СПБИИ РАН. Ф. 98. К. 4. Д. 72. Сст. 1—104.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ

13. Указ о запрещении покупать и принимать в заклад земельные участки крестьян Заонежских погостов (1648, не ранее января 19) // Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в. Тексты / подгот. текстов Р. Б. Мюллер ; под ред. Н. Е. Носова. — Ленинград : Наука, 1986. — № 327. — С. 221.

ЛИТЕРАТУРА

14. Березиков, Н. А. Практика «взятия на поруки» в Сибири в XVII веке / Н. А. Березиков, А. А. Люцидарская // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — 2014. — Т. XX. — С. 337—339.
15. Богословский, М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 2: Деятельность земского мира. Земство и государство / М. М. Богословский. — Москва : Синодальная типография, 1912. — 311 с.

16. Брусницына, Д. В. Оформление поручных записей как способ борьбы с дезертирством пашенных солдат в Карелии второй половины XVII века: по материалам Олонецкой воеводской избы / Д. В. Брусницына // Вестник Тверского государственного университета. — 2011. — № 31. — С. 104—118.
17. Брусницына, Д. В. Наймиты и их «хозяева» в олонецких полках пашенных солдат (1649—1666) [Электронный ресурс] / Д. В. Брусницына // CARELiCA : научный электронный журнал. — 2013. — № 1 (10). — С. 10—18. — URL: http://carelica.petrsu.ru/CARELiCA/_Articles_1/Entries/2013/10/31_Najmity_i_ih_hozaeva_v_oloneckih_polkah_pasennyh_soldat_%2816491666%29.html (25.11.2016).
18. Брусницына, Д. В. «Начальные люди» олонецких полков пашенных солдат (1649—1666) [Электронный ресурс] / Д. В. Брусницына // CARELiCA : научный электронный журнал. — 2013. — № 1 (10). — С. 170—185. — URL: http://carelica.petrsu.ru/CARELiCA/_Articles_1/Entries/2013/12/17_Nacalnye_ludi_Oloneckih_polkov_pasennyh_soldat_%2816491666%29.html (25.11.2016).
19. Брусницына, Д. В. Пашенные солдаты в северо-западном российском приграничье: опыт привлечения карельских крестьян к военной службе (1649—1666) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Дарья Владимировна Брусницына ; Санкт-Петербургский институт истории РАН. — Санкт-Петербург, 2014. — 24 с.
20. Брусницына, Д. В. Увечные и больные крестьяне Олонецкого уезда (по переписным книгам И. А. Дивова 1657 г.) [Электронный ресурс] // CARELiCA : научный электронный журнал. — 2015. — № 2 (14). — С. 102—108. — URL: http://carelica.petrsu.ru/2015/Brusnitsyna_2_15.pdf (25.11.2016).
21. Ермолаева, О. Е. Рец. на кн.: Rieber A. J. The Struggle for the Eurasian Borderlands. From the Rise of Early Modern Empires to the End of the First World War. — Cambridge University Press, 2014. — 648 р. / О. Е. Ермолаева // Российская история. — 2015. — № 2. — С. 192—197.
22. Жуков, А. Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. / А. Ю. Жуков. — Великий Новгород : НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2003. — 256 с.
23. Мюллер, Р. Б. Очерки по истории Карелии XVI—XVII вв. / Р. Б. Мюллер ; под ред. А. И. Андреева. — Петрозаводск : Гос. изд-во КФССР, 1947. — 176 с.
24. Островская, М. А. Земельный быт сельского населения Русского Севера в XVI—XVIII веках / М. А. Островская. — Санкт-Петербург : Тип. гл. управления уделов, 1913. — 496 с.
25. Рыжков, А. С. Офицер — иноземец: проблемы адаптации в местном крестьянском сообществе. [Электронный ресурс] / А. С. Рыжков // Журнал отчётов и публикаций ИЛЛМИК. — 2006. — № 1—2. — Электрон. ст. — URL: <http://illmik.petrsu.ru/2006news3/Ryzhkov2.html> (25.11.2016).
26. Рыжков, А. С. Поручик Богдан Головин — организатор службы пашенных солдат в Карелии во второй половине XVII века [Электронный ресурс] / А. С. Рыжков // Журнал отчётов и публикаций ИЛЛМИК. — 2007. — № 1 (3). — Электрон. ст. — URL: <http://illmik.petrsu.ru/2007news3/Ryzhkov2.html> (25.11.2016).
27. Суслова, Е. Д. Приходской священник и «начальные люди» в Карелии в середине XVII в.: особенности взаимоотношений (по материалам «Олонецкой воеводской избы») / Е. Д. Суслова // CARELiCA : научный электронный журнал. — 2015. — № 2 (14). — С. 109—121. — URL: http://carelica.petrsu.ru/2015/Suslova_2_15.pdf (25.11.2016).
28. Чернякова, И. А. Карелия на переломе эпох: Очерки социальной и аграрной истории XVII века / И. А. Чернякова. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 1998. — 295 с.
29. Швейковская, Е. Н. Государство и крестьяне России. Поморье в XVII веке / Е. Н. Швейковская. — Москва : Археографический центр, 1997. — 285 с.
30. Швейковская, Е. Н. Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI — начала XVIII века / Е. Н. Швейковская. — Москва : Индрик, 2012. — 368 с.

